

Великій Князь Николай Михайловичъ.

Письма высочайшихъ особъ

къ графинѣ А. С. Протасовой.

Достояніемъ русскаго общества сдѣлалось новое изданіе Великаго Князя Николая Михайловича — красивый томъ писемъ Императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны и великихъ княженъ, дочерей Павла I, къ камеръ-фрейлинѣ Екатерины II, графинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой.

Изданное съ вкусомъ и изяществомъ, какими отличаются все изданія Великаго Князя, это собраніе писемъ украшено шестнадцатью прекрасно исполненными портретами, изъ коихъ одинъ—графини Протасовой—снимокъ съ миниатюры изъ собранія Вел. Кн. Николая Михайловича; другой—ея же портретъ, съ племянницами, воспроизведенъ съ оригинала Анжелики Кауфманъ, принадлежащаго князю С. И. Васильчикову; прочіе портреты изображаютъ высокихъ корреспондентокъ Протасовой. Эти письма, „прекрасно сохранившіяся въ четырехъ переплетенныхъ кожею тетрадкахъ“, какъ объяснено въ предисловіи къ изданію, приобрѣтены Великимъ Княземъ „въ концѣ 1911 года, совершенно случайно, у одного изъ московскихъ антикваріевъ“; какимъ образомъ и откуда они достались послѣднему—установить не удалось.

„Весьма возможно“, высказываетъ предположеніе Великій Князь, „что письма находились въ архивѣ князей Голицыныхъ, такъ какъ одна изъ племянницъ Анны Степановны, княгиня Александра Петровна Голицына, была одной изъ ея наследницъ“.

Большая часть писемъ принадлежитъ Императрицамъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ и относятся къ царствованію Александра I, къ 1800—1824 г.г. Хотя эта корреспонденція не представляетъ особеннаго интереса съ точки зрѣнія исторіи, такъ какъ письма, адресованныя Протасовой, содержатъ либо поздравленія съ днемъ ея ангела или рожденія, либо пожеланія престарѣлой графинѣ скорого выздоровленія и успѣшнаго лѣченія на водахъ, либо наконецъ благодарность за исполненныя графиней за границей порученія ея высокихъ корреспондентокъ, тѣмъ не менѣе въ этихъ письмахъ отражаются подъ часъ и сокровенныя душевныя переживанія царственныхъ корреспондентокъ, и въ этомъ отношеніи они несомнѣнно интересны; кромѣ того эта переписка служитъ нагляднымъ доказательствомъ того вниманія „съ какимъ лица Императорской фамиліи относились къ А. С. Протасовой“, даже въ то время, когда она лишилась, со смертію Екатерины II, своей высокой покровительницы.

Что касается, въ частности, писемъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, то они интересны еще въ томъ отношеніи, что большинство ихъ—почти половина, писаны по-русски, разговорнымъ языкомъ начала прошлаго вѣка „и хотя они полны орфографическихъ ошибокъ и неправильныхъ оборотовъ рѣчи“, но изъ переписки видно наглядно, какъ настойчиво Императрица „старалась усвоить языкъ своей новой родины“, и какъ она въ немъ совершенствовалась; письма 1820 годовъ, какъ въ отношеніи орфографіи, такъ и построенія фразъ, замѣтно отличаются отъ писемъ и записочекъ первыхъ годовъ царствованія Александра I. Изъ нихъ видно, что молодая Государыня уже свободно объяснялась въ то время по-русски и не затруднялась написать длинное письмо. Надобно также отмѣтить, что „тогда какъ половина писемъ Елисаветы Алексѣевны писаны по-русски, Императрица Марія Ѳеодоровна исключительно писала Аннѣ Степановнѣ по-французски, потому что никогда не могла одолѣть русскаго языка, на которомъ говорила съ трудомъ и сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, а писать по-русски такъ-таки и не научилась“.

Естественно является вопросъ, что за личность была А. С. Протасова, сумѣвшая снискать къ себѣ послѣдовательно благоволенія трехъ Императрицъ? Анна Степановна была дочерью Степана Ѳеодоровича Протасова, впоследствии сенатора, отъ его второго брака съ Анисьей Никитичной Орловой, двоюродной сестрой знаменитыхъ братьевъ Григорія и Алексѣя Орло-

выхъ. „Близкое родство съ Орловыми дало А. С. Протасовой возможность выдвинуться: она попала во фрейлины“ и своей преданностью къ Екатеринѣ снискала ей особое благоволеніе; Императрица до того къ ней привыкла, что общество Анны Степановны стало ей необходимымъ. Очень была некрасива, по выраженію графини Головиной „laide et poire comme la reine d'Otaïti“; Протасова не вышла замужъ, „хотя сама Екатерина II готова была принять участіе въ ея судьбѣ и нашла ей подходящаго жениха въ рябомъ Аркадіи Ивановичѣ Морковѣ“, но и это не помогло: Морковъ отдѣлался шуткой:

„Она дурна, я безобразенъ“, сказалъ онъ, „что же мы будемъ безобразить родъ человѣческій“.

Несмотря на столь непривлекательную наружность, Протасова никогда не пользовалась безупречной репутаціей. Въ ту эпоху пышнаго расцвѣта фаворитизма, нуждавшагося въ преданныхъ наперсницахъ, она заняла совершенно особое мѣсто въ интимномъ кругу приближенныхъ Екатерины II, которая отличала ее особыми милостями, удостоивала ее даже своими посѣщеніями, но любила подчасъ и пошутить надъ ворчливой, чванной, капризной, крикливо-одѣвавшейся Протасовой и называла ее въ шутку „королевой“ или „королевой Лото“. Анна Степановна всегда обѣдала съ Императрицей, а во время путешествія Екатерины въ Южную Россію въ 1787 г. только она да фаворитъ Маньковъ ѣхали въ одной каретѣ съ Императрицей. За своеобразную роль, которую Протасова играла при дворѣ, она была зло вышучена Байрономъ, въ его „Донъ Жуанъ“, примѣнившемъ къ ней ядовитый эпитетъ „l'érigouveuse“.

На роль, которую Протасова играла при Императрицѣ, встрѣчаются намеки во многихъ мемуарахъ XVIII вѣка.

„Не только молодые придворные,“ пишетъ напр. Гарновскій, „дѣлали куры немолодой и некрасивой невѣстѣ, чтобы заручиться при нуждѣ ея протекціей“, но даже, какъ увѣряли злые языки, Екатерина совѣтовалась съ ней предварительно на счетъ качествъ будущихъ фаворитовъ, полагаясь на ея вкусъ“.

„Итогъ этимъ сплетнямъ, которымъ придавала характеръ правдоподобія вся обстановка Екатерининскаго двора“, говоритъ Великій Князь Николай Михайловичъ въ біографическомъ очеркѣ Протасовой, „подвелъ въ художественной формѣ итальянскій поэтъ Джамбатиста Касті въ своемъ „Il Poema Tartaro“, стихотворномъ памфлетѣ на дворъ Екатерины—Толейконы, онъ изображаетъ Протасову, какъ „amazzone di Venere e d'Amore“. Онъ вводитъ ее (соединяя въ одномъ собирательномъ лицѣ съ

ея предшественницей — графиней П. А. Брюсъ) подъ именемъ Турфаны, въ такихъ стихахъ;

„Turfana, venerabile matrona,
 Che i favor primi ei primi onori ottiene
 E presso l'immortal Toleicona
 Fida compagna al fianco ognor si tiene,
 Ed a nuovo piacer sempre la sprono;
 Agguerrita d'amor nella palestra.
 E nelle scuole sue dotta maestra (с. IV, стр. 16) ¹⁾.

„Посвятивъ нѣсколько пикантныхъ строфъ объясненію Турфаны съ Томмазо, кандидатомъ въ фавориты Толенконы, Касти влагаетъ въ уста Турфаны слѣдующія слова:

... Io far soglio precedentemente.
 Saggio di quei cui suo favor destina,
 Per riconoscer se coll' apparente
 Aspetto il merto radical combina;
 Nè la carica ottien chi da me stato
 Non è prima provato ed approvato ²⁾.

„Въ 1784 г. Протасова была пожалована въ камеръ-фрейлины“ „съ богатѣйшимъ портретомъ“, а чтобы создать „для одинокой старой дѣвы семейную обстановку, Екатерина выписала къ ней на воспитаніе ея племянницъ“, дочерей ея брата, сенатора, генераль-поручика Петра Степановича Протасова, — Александру, Екатерину, Варвару, Вѣру и Анну. Всѣ онѣ были фрейлинами.

Протасова воспитала своихъ племянницъ во французскомъ духѣ; онѣ были совершенно незнакомы съ православіемъ и даже плохо знали русскій языкъ; „съ истинами христіанства онѣ знакомились изъ произведеній иностранной литературы подъ руководствомъ католическихъ аббатовъ, съ которыми онѣ встрѣчались въ великосвѣтскихъ салонахъ“; подъ ихъ вліяніемъ четыре старшія племянницы Анны Степановны перешли въ

¹⁾ Турфана, почтенная дама, которая получаетъ преимущественно передъ всѣми знаки благоволенія и почести, состоитъ всегда въ качествѣ вѣрной подруги при особѣ безсмертной Толенконы и всегда побуждаетъ ее къ новымъ (чувственнымъ) удовольствіямъ, будучи закаленной въ бояхъ на аренѣ любви и опытной наставницей своихъ учениковъ.

²⁾ Я обыкновенно предварительно испытываю кандидата въ фавориты, чтобы узнать, соединяется ли въ немъ съ представительностью существенное достоинство, и никто не получаетъ этой должности, если онъ передъ этимъ не былъ испытанъ и одобренъ мною.

римско-католическую вѣру. Православной осталась только младшая изъ нихъ, Анна Петровна „возведенная въ 1801 году въ графское достоинство“. „Annette Protasoff была постояннымъ членомъ интимнаго кружка Императрицы Елисаветы Алексѣевны“.

Особенно ревностной католичкой была Екатерина Петровна, вышедшая въ 1793 г. замужъ за Ѳ. В. Ростопчина, любимца царевича Павла Петровича. „Сдержанная и несообщительная, холодная даже къ собственнымъ дѣтямъ, не любившая свѣтскихъ удовольствій, она заинтересовалась религіозными вопросами. Уже давно ее восхищала эстетическая сторона христіанства. „Какъ жаль“, говорила она „что такое прекрасное ученіе ложно“. Истолкователями христіанства для нея явились іезуиты, въ началѣ XIX вѣка кишѣвшіе въ русскомъ высшемъ обществѣ. Съ ней велъ бесѣды знаменитый графъ де Местръ, аббатъ Сюрюгъ былъ ея духовнымъ наставникомъ. Въ 1806 году этотъ Сюрюгъ принялъ ее въ нѣдра римской церкви. Первое время переходъ графини въ католичество былъ облеченъ глубокой тайной. Аббатъ Сюрюгъ разъ въ недѣлю обѣдалъ у графа Ростопчина, и каждый разъ послѣ обѣда графиня начинала ходить съ нимъ по обширнымъ комнатамъ дома, какъ бы ведя обыкновенный разговоръ, но тутъ она исповѣдывалась у него“.

„Переходъ графини въ католичество, скоро сдѣлавшійся общеизвѣстнымъ, былъ источникомъ разлада въ семьѣ Ростопчиныхъ. Будучи ревностной католичкой, графиня должна была играть роль „хозяйки“ первопрестольной Москвы, когда въ 1812—1814 годахъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ занималъ постъ московскаго главнокомандующаго. По увольненіи графа отъ этой должности, Ростопчины уѣхали за границу и долго жили въ Парижѣ. Послѣдніе годы своей жизни графъ Ростопчинъ провелъ въ Москвѣ; передъ смертью онъ устранилъ жену отъ воспитанія своего малолѣтняго сына Андрея и отъ управленія его большимъ состояніемъ. Фанатизмъ заставилъ графиню уклониться отъ присутствія на похоронахъ мужа“.

Вмѣстѣ съ племянницами Анны Степановны у нея жили и воспитывались двѣ побочныя дочери Григорія Орлова — дѣвицы Алексѣевы.

При томъ исключительномъ положеніи, какое Протасова занимала при дворѣ, при ея близости къ особѣ Императрицы, вполне понятно, что смерть Императрицы была „сильнымъ нравственнымъ ударомъ для Анны Степановны, которая въ теченіе ужасной 36-ти часовой агоніи Екатерины не отходила отъ нея и оставалась все время на полу у ея ногъ“.

Можно было ожидать, что при извѣстномъ враждебномъ отношеніи Павла I къ приближеннымъ его матери и ко всѣмъ вообще лицамъ, пользовавшимся ея довѣріемъ и расположеніемъ, роль Протасовой при дворѣ, съ смертью Екатерины II, будетъ сыграна; однако „ея придворное положеніе, благодаря родству ея къ Ѳ. В. Ростопчину, не пошатнулось“; Павелъ I не поставилъ ей даже въ вину того обстоятельства, что она передавала Императрицѣ все, что ей удавалось разузнать при дворѣ Павла Петровича—роль, которую она выполняла весьма искусно и „въ день коронаціи, 5 апрѣля 1791 г., онъ милостиво пожаловалъ старой confidentкѣ своей матери орденъ св. Екатерины малаго креста, пенсію и 1000 душъ въ Воронежской и С.-Петербургской губерніяхъ“.

Протасова сумѣла пріобрѣсти благоволеніе и Маріи Ѳеодоровны, сумѣла также сблизиться и съ молодымъ дворомъ Александра; она сдѣлалась постояннымъ членомъ интимнаго кружка Елисаветы Алексѣевны, „учила ее русскому языку, проводила съ ней лѣтніе досуги, ѣздила съ ней за границу, служила посредницей въ сношеніяхъ ея съ матерью маркграфиней Амалією Баденской“—вообще сумѣла и тутъ быть полезной.

При восшествіи на престолъ Александра I, Протасовой было подь 60 лѣтъ; она „страдала отъ крайней полноты, которая душила ее и почти не позволяла ей двигать ногами“; „Императрица Елисавета Алексѣевна съ добродушной проницей описываетъ свое путешествіе жаркимъ лѣтомъ 1809 г. въ каретѣ съ графиней Протасовой, которая по выраженію Императрицы „en vant deux“.

Несмотря на это, Протасова была постоянно при дворѣ и въ первые годы царствованія Императора Александра усердно несла обязанности камеръ-фрейлины, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя коротенькія записочки молодой Императрицы, писанныя наскоро, по большей части безъ даты, коими Елисавета Алексѣевна извѣщала графиню о томъ, что она предполагала дѣлать, куда намѣревалась ѣхать, дабы Анна Степановна готовилась сопровождать ее.

„Я пойду къ обѣдни въ половинѣ двѣнадцатаго, на антресолахъ“, пишетъ ей напр. Императрица, „я прошу васъ и Анну Петровну со мною итти“¹⁾.

¹⁾ Записочки и письма, писанныя по-русски, печатаются съ точнымъ соблюденіемъ орфографіи подлинника.

„Я собираюсь ѣхать сегодня послѣ обѣды, въ шесть часовъ въ Парголову“, сообщаетъ она Аннѣ Степановнѣ другой разъ, „и, зная, что вы по вторникамъ гостей принимаете, прошу васъ сказать мнѣ чисто сердѣчно, какъ вамъ пріятнѣе будетъ, ѣхать со мною или не ѣхать.“

„Надеюсь, что вы не подумите, что я хочу привести васъ въ замѣшательство, черезъ моего вопроса, такъ, какъ прежде съ вами случилось“.

Или она пишетъ: „я не буду ночевать въ Павловскѣ. Императрица обещала, что рано кончится. и не хочу напрасно людей таскать; отъ сюда мы поѣдимъ, ежели вамъ угодно будетъ, въ 3 часа“.

И еще:

„Пожалуйте ко мнѣ на часъ, ежели васъ не беспокоитъ; мнѣ надобно съ вами поговорить, и сама бы къ вамъ пришла, но я не давно только изъ ванны вышла“.

„Я думаю“, читаемъ въ одной изъ записочекъ, „что мы прежде 9 часовъ не поѣдемъ въ собраніе и очень рада, что вы можете съ нами ѣхать; какъ мнѣ ваше письмо принесли, я боялась, что вы не здорова были и что я безъ покровительства останусь“.

Малозначительныя по содержанію эти записочки свидѣлствуютъ однако о близости Протасовой къ молодой Императрицѣ, которая свыклась со старой графиней и обращалась съ нею совсѣмъ запросто.

Желая сдѣлать старушкѣ пріятное, Елисавета Алексѣевна то посылаетъ ей для прочтенія книгу, которую Протасова выразила желаніе имѣть, то списываетъ для нея стихи, и вообще оказываетъ ей постоянно вниманіе.

„По желанію вашему читать письма Принца де Лигна“, пишетъ Императрица, „посылаю вамъ книгу, въ которой онѣ находятся, и хотя я бы могла сама отдать вамъ оныя уже, но давно не имѣла удовольствіе писать къ вамъ, и мнѣ пріятно воспользоваться этимъ случаемъ“.

Посылая ей стихи „Русская пѣснь Матушки Царицы“, въ которой восхвалялись доблести Екатерины II, Елисавета Алексѣевна говоритъ:

„Зная, сколь согласно мы думаемъ объ особѣ, къ которой относятся приложенныя стихи, я нарочно и не медленно списала ихъ для васъ, съ увѣреніемъ, что вы не можете читать ихъ равнодушно“.

Протасова, ревниво дорожившая своимъ положеніемъ при дворѣ, любила получать отъ молодой Императрицы эти записочки и бережно сохраняла ихъ; „ей нужно было производить впечатлѣніе своей близостью къ Императрицѣ, и она упрашивала Елисавету Алексѣевну почаще бесѣдовать съ ней на виду у всѣхъ и писать ей собственноручныя записки, которыя она потомъ показывала всѣмъ, въ доказательство того, въ какихъ хорошихъ отношеніяхъ она находится съ Ея Величествомъ“.

Какъ настойчиво осаждала престарѣлая А. С. Протасова пріемную Императрицы, какъ назойливо она домогалась иногда свиданія съ Елисаветой Алексѣевной, которая, по слабости здоровья и изъ любви къ болѣе спокойной одинокой жизни, тяготилась всегда неизбѣжными въ ея положеніи выѣздами и пріемами, можно судить по нижеслѣдующей записочкѣ Елисаветы Алексѣевны:

„Пожалѣйте меня пожалуйста, дорогая Анна Степановна“, пишетъ ей однажды Государыня, очевидно въ отвѣтъ на ея просьбу быть принятой Елисаветой Алексѣевной непременно въ тотъ же день, „не все ли вамъ равно видѣть меня сегодня или завтра; я должна видѣть кое кого сегодня и освобожусь только къ девяти часамъ вечера¹⁾. Помилуйте, Анна Степановна, естлибъ вы знали, какъ меня здѣсь мучуть, вы изъ жалости сами бы пришли меня завтра только видѣть“.

Конечно искусившаяся при дворѣ камеръ-фрейлина прикрывала всѣ свои докучливыя домогательства изъявленіями самой почтительной преданности и любви къ молодой Императрицѣ. И Елисавета Алексѣевна „въ своихъ письмахъ говорить о „дружбѣ“ и о „любви“ къ ней со стороны Протасовой“.

„Императрица цѣнила эту преданность, „старалась“ отвѣчать взаимностью, но свойственное деликатной и прямой натурѣ Елисаветы недоувѣріе ко всему придворному оставляло въ ней нѣкоторое сомнѣніе въ искренности чувствъ состарѣвшейся при дворѣ камеръ-фрейлины“.

„Увы! писала Елисавета матери по поводу ухаживаній графини Протасовой, „если была одна любовь“! Дѣло въ томъ, что при томъ имени, которое я ношу въ ухаживаніяхъ, только десятую часть надо приписать чувству! да и то много“.

Императрица даже имѣла по этому поводу объясненіе съ графиней Протасовой, и оно, какъ она писала матери, какъ будто разсѣяло ея сомнѣнія на этотъ счетъ.

¹⁾ До этихъ словъ записка писана по-французски; конецъ записки приписанъ по-русски.

Въ 1803 году Протасова собралась на воды за границу. Елисавета Алексѣевна поспѣшила оказать ей по этому случаю маленькое вниманіе.

„Дорожный ящикъ для чая повергается къ стопамъ вашимъ“, писала Государыня отъѣзжающей Аннѣ Степановнѣ, посылая ей подарокъ. „Хотя онъ не весьма великолѣпный, но надѣется, что вы его милостиво примете и вспомните всякой разъ, какъ вы будете чай пить, что я желаю вамъ всяческаго добра и щастія“.

Когда именно Протасова уѣхала изъ Петербурга, изъ переписки не видно, такъ какъ послѣднія записочки Елисаветы Алексѣевны, также какъ и всѣ предыдущія, не имѣютъ даты, но въ іюлѣ мѣсяцѣ 1803 г. она была уже на водахъ, ибо вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна писала ей 25 іюля за границу, поздравляя ее съ днемъ ея ангела. Елисавета Алексѣевна писала ей туда же 14/26 августа 1803 г., благодарила за письмо, полученное отъ нея изъ Франкфурта, и за исполненныя порученія; освѣдомлялась о здоровьи графини и о томъ, какъ идетъ ея лѣченіе. Письмо заканчивалось слѣдующими строками: „Je Vous prie de croire que Votre absence ne fait pas de tort à la langue russe et je veux que Vous soyez étonnée à Votre retour de mes progrès ¹⁾“; какъ видно изъ послѣдующихъ писемъ Елисаветы Алексѣевны, это были не пустыя слова; Государыня дѣйствительно усердно занималась въ то время русской грамотой и дѣлала въ ней большіе успѣхи.

Въ виду пользы, которую по словамъ Протасовой ей приносило лѣченіе, Императрица Елисавета Алексѣевна совѣтовала ей остаться еще на одинъ лѣчебный срокъ за границей. 22 іюля 1807 г. совершилось въ Петербургѣ бракосочетаніе Великой Княжны Маріи Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ. Протасова была въ то время еще за границей и оттуда поспѣшила принести поздравленіе новобрачной и послать ей свадебный подарокъ, и въ отвѣтъ получила любезное письмо отъ новобрачной Великой Княгини.

Изъ-за границы Протасова возвратилась, повдоровѣвъ, и „вступила снова въ права, связанныя съ ея положеніемъ“, но уже въ 1809 г. ее постигла новая бѣда; „у нея обнаружилась катаракта, которую Елисавета Алексѣевна пыталась лѣчить ка-

¹⁾ Прошу васъ вѣрить, что ваше отсутствіе не будетъ во вредъ русскому языку; мнѣ хочется, чтобы вы удивились по возвращеніи моимъ успѣхамъ.

кой-то, по рецепту изъ Бадена „pommade de St Ives“, сильно сомнѣваясь въ успѣхѣ, но въ то же время не находя возможнымъ „rester les bras croisés quand il s'agit de rien moins que de devenir aveugle“ („сидѣть сложа руки, когда угрожаетъ слѣпота“), и въ слѣдующемъ году Протасова, внявъ совѣтамъ друзей, отправилась за границу, чтобы посоветываться съ окулистами. О томъ, какое сердечное участіе принимала въ ся болѣзни Елисавета Алексѣевна, свидѣлствуютъ письма Императрицы.

Получивъ извѣстіе о благополучномъ пріѣздѣ Анны Степановны въ Москву. Императрица писала ей (29 ноября 1810 г.): „тогда только совершенно спокойна буду, когда получу извѣстіе отъ вашего пріѣзда въ Вѣнѣ. Меня очень обрадовало ваше намѣреніе взять лѣкаря съ собою до Кіева“, продолжала Государыня, выражая надежду, что врачъ будетъ сопровождать ее и за границу.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ маѣ 1811 г. Императрица выражаетъ свое удовольствіе по поводу „хорошихъ извѣстій“ о здоровьи Анны Степановны и въ особенности относительно зрѣнія и высказываетъ надежду, что она скоро поправится; „тѣмъ болѣе ласкаюсь сею надеждою, пишетъ Императрица, что вы уже чувствовали облегченіе по изтеченію двухъ недель. Сообщите мнѣ, пожалости, имя вашего доктора, онъ заслужитъ отъ меня особую благодарность, ежели васъ вылечетъ“.

Симпатіи и участія, которыя выказывали Аннѣ Степановнѣ, казалось ей недостаточно; капризная и придирчивая вообще старуха, очевидно, не стѣснялась и Императрицѣ высказывать свое неудовольствіе и жаловаться на недостатокъ къ ней вниманія, такъ какъ Елисавета Алексѣевна извиняется передъ нею въ одномъ письмѣ за то, что, получивъ отъ нея четыре письма, давно не писала ей; „надѣюсь, пишетъ Императрица, что такое мало важное обстоятельство не можетъ привести васъ въ сомненіе объ моемъ расположеніи къ вамъ, хотя вы въ письмѣ вашемъ изъ Радзивиловы не оказали мнѣ ту довѣренность, которую я бы могла ожидать отъ васъ. Почему вы вѣчно думаете, что я хочу васъ огорчить или обидѣть“. Очевидно, Протасова, не стѣняясь, высказала Императрицѣ свое неудовольствіе по поводу того, что она не получила какого-то отличія, которое было дано другимъ приближеннымъ Императрицы, ибо Елисавета Алексѣевна добавляетъ: „Правда, что печаты раздавали всѣмъ тѣмъ, которые были со мною въ походѣ: но какъ вы отсюда поѣхали, ни одной готовой еще не было; и, вѣрно, никто не могъ показать вамъ свою, а вашу я хотѣла сама вручить вамъ“.

при вашемъ приѣздѣ, но теперь прилагаю ее сюда, чтобъ не оставить вамъ ни малейшой причины къ негодованію“.

Протасова ворчала и брюжжала, но ей все прощалось; вдовствующая Императрица и Елисавета Алексѣевна, жалѣя больную старуху, продолжали писать ей въ томъ же дружескомъ тонѣ, освѣдомлялись о ея здоровьи, и сообщали ей извѣстія изъ Россіи, которыя могли ее интересовать.

Переѣхавъ въ Царское Село, молодая Государыня писала Аннѣ Степановнѣ 14 іюня 1818 г.: „Почти мѣсяць уже что мы здѣсь, но погода безпрестанно такъ дурна, что едва прожили три хорошіе дня: либо холодъ несносный, либо дождь, и жаровъ вовсе не было еще. Со мною кромѣ сестрицы ¹⁾ и Герцогини ²⁾ съ дѣтьми, тѣже фрейлины, которыя прошедшій годъ при мнѣ были, Графъ и Графиня Литта живутъ въ прежнихъ ихъ комнатахъ и фрейлены въ вашихъ. Часто я здѣсь объ васъ думаю и искренно желаю когда нибудь увидить васъ здоровою на колоннадѣ—или въ здѣшнемъ саду.

„Я вамъ все такъ подробно сказываю, зная, сколько вы любите Царское Село и, можетъ быть, вамъ пріятно будетъ мысленно себѣ представить, какъ все здѣсь разположено“.

Слѣдующее письмо, писанное Императрицею почти годъ спустя изъ Брухсаля, гдѣ она проживала въ то время, какъ Императоръ Александръ I находился въ Парижѣ и въ Лондонѣ, интересно по чувствамъ, какія въ немъ выражаетъ Елисавета Алексѣевна по поводу великихъ событій, прославившихъ ея супруга, и потому, что, сопоставляя слогъ и орфографію этого довольно длиннаго письма съ слогомъ тѣхъ коротенькихъ записочекъ, которыя Государыня писала по-русски вначалѣ видимо съ большимъ трудомъ, очевидно, какъ велики были успѣхи, сдѣланные ею за эти десять лѣтъ въ русскомъ языкѣ, который она изучала съ удивительной настойчивостью и выдержкой.

„Любезная моя Анна Степановна! писала Императрица, 18 апрѣля 1814 г., я поздно получила письмо ваше отъ 29 генваря и весьма мало имѣю здѣсь свободнаго времени, такъ вы не должны и, вѣрно, не будете сердиться, что я не прежде благодарила васъ за чувствованія, за добрыя желанія и за всю привязанность, которыя изъяснены въ письмѣ вашемъ. Они меня не удивили отъ васъ и даже смѣю сказать, что я уверена была въ участи, которую вы будете брать въ моей радости, но, не смотря на

¹⁾ Амалия Баденская.

²⁾ Антуанетта Вюртембергская.

то, письмо ваше меня очень разстрогнула, и благодарю васъ за оное отъ всего моего сердца.

„Матушку я застала, славу Богу, здоровую, хотя она несколько переменялась съ тѣхъ поръ, какъ она была въ Петербургѣ ¹⁾. Она приказала мнѣ кланится вамъ. Сестры тоже. Мы часто объ васъ говоримъ. Графиню Остерманъ мы много объ васъ спрашивали; она намъ рассказала объ образѣ жизни вашей въ Вѣнѣ, и я очень обрадовалась, какъ я узнала отъ ней, что Вера Петровна пріѣхала уже къ вамъ. Она можетъ теперь быть совершенно спокойна въ разсужденіи мужа, онъ вероятно, въ Парижѣ.

„Я не поздравила васъ еще съ последними великими произшествіями. Богъ милостивъ къ намъ, онъ возвысилъ Государя и Русскій народъ на неслыханный до сѣхъ поръ степени славы; но гордиться не должно и только живо чувствовать Благодарность ко всемогущему Богу. Тоже можно поздравить всѣхъ женъ и матерей, имѣвши щастіе сохранить мужа и дѣтей, по среди такой ужасной войны...

„Государь сперва обещалъ мнѣ пріѣхать къ Страстной недели, чтобъ со мною говѣть, но обстоятельства помѣшали ему быть; теперь надеюсь скоро его увидѣть и нетерпеливо жду сей минуты“.

Вдовствующая Императрица также подѣлилась съ Протасовой своей радостью по поводу одержанныхъ русскими войсками „большихъ и славныхъ побѣдъ“ и славы, осѣнившей Императора; „онъ вернетъ Европѣ благодѣнствіе и спокойство и потомство будетъ благославлять его имя“ писала Марія Ѳеодоровна. „Я много пережила тревогъ и опасеній, но Господь старицею вознаградилъ меня“.

Протасова, видя, что ея зрѣніе все ухудшается, рѣшила сдѣлать глазную операцію. Императрица Елисавета Алексѣевна была въ то время въ Вѣнѣ, и передъ отъѣздомъ въ Россію, поспѣшила выразить Аннѣ Степановѣ свое участіе и искреннія пожеланія удачнаго исхода операціи. Вдовствующая Императрица, со своей стороны, старалась поддержать бодрость духа старушки сообщеніемъ объ удачной операціи—снятія катаракты, сдѣланной Андрею Львовичу Николаи.

„Съ особеннымъ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, писала Марія Ѳеодоровна 19 февраля 1815 г., что вчера добрый старикъ Николаи, которому 78 лѣтъ, былъ у меня; онъ видитъ

¹⁾ Въ 1801 году.

тѣмъ глазомъ, который былъ оперированъ, чувствуетъ себя какъ нельзя лучше, веселъ и счастливъ и увѣрялъ меня, что операція была безболѣзненна. Онъ читаетъ, пишетъ и его зрѣніе укрѣпляется съ каждымъ днемъ; я увѣрена, дорогая Анна Степановна, что эта добрая вѣсть придастъ вамъ смѣлости: Богъ дастъ ваша операція будетъ также удачна и вы будете также довольны“.

Узнавъ о томъ, что Протасова послѣ операціи могла писать и ходить одна, Елисавета Алексѣевна поспѣшила поздравить ее. „Первое извѣстіе не застало меня въ Мюнхенѣ“, писала Государыня; „я была въ то время въ Сальцбургѣ. Но пріѣхавши въ Нимфенбургъ, нашла письмо отъ Ласовиковой ¹⁾ и невозможно мнѣ изъяснить вамъ, сколь обрадовалась, услыша, что, слава Богу, все благополучно кончилось. Я благодарила Богу отъ всего сердца. Въ Нимфенбургѣ я болѣе двухъ сутокъ не осталась; на другой день пріѣзда моего получила я отъ Государя позволеніе прибыть въ Брухсаль ко дну рожденіе матушкины, и зная, притомъ, что Государя самага застаю еще въ здѣшнемъ краю. Прощайте, любезная Анна Степановна, Богъ съ вами—да сохранитъ Онъ милость, котору онъ вамъ здѣлалъ“.

Этимъ добрымъ пожеланіямъ не суждено было сбыться: вскорѣ послѣ операціи, которой Анна Степановна подверглась въ Боннѣ, она окончательно ослѣпла, хотя скрывала это и упорно не хотѣла признать своего несчастія. О ея печальномъ положеніи можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ подробностямъ, которыя сообщаетъ о ней въ письмѣ къ женѣ графъ Ѡ. В. Ростопчинъ изъ Карлсбада (1816).

„Пріѣхавъ въ 6 часовъ, я сначала попросилъ къ себѣ г. Ласовикову, чтобы справиться, извѣстно ли теткѣ о смерти твоей сестры ²⁾. Оказывается, ей никто о томъ не говорилъ, но она давно догадывается сама. Она представлялась Великой Княгинѣ Екатеринѣ и та, при видѣ ея слезъ, посоветовала ей смириться. То же самое сказала ей графиня Гурьева. Пока г. Ласовикова передавала мнѣ эти подробности, тетка проснулась, вышла изъ своей комнаты и была очень рада меня видѣть или, вѣришь, слышать. Мы пробесѣдовали около двухъ часовъ, и рѣчь все время шла о племянницахъ, внукахъ и внучкахъ, но ни разу не было упомянуто имя Вѣры, ея мужа

¹⁾ Секретарь Протасовой.

²⁾ Любимая племянница Аяны Степановны—Вѣра Петровна, бывшая замужемъ за кн. Иларіономъ Васильевичемъ Васильчиковымъ, скончалась 2 октября 1814 года.

и ребенка. Она забрала себѣ въ голову, что строгое исполненіе предписаній врачей, лѣченіе у окулиста Вальтера и климатъ вернуть ей зрѣніе. Въ дѣйствительности она почти ничего не видитъ, ее надо водить, предупреждать о всемъ, нарѣзать ей мясо, называть лицъ, съ ней заговаривающихъ. Несмотря на почти полную слѣпоту, она дѣлаетъ видъ, будто видитъ, увѣряетъ, что видитъ, и носитъ очки. Глазъ, на которомъ была сдѣлана операція, менѣе мутенъ, но докторъ Любошицъ говорилъ мнѣ, что операція не удалась, и самъ Вальтеръ не надѣется на возможность вернуть зрѣніе; несмотря на это, онъ предписалъ графинѣ укрѣпляющій режимъ, баденскія ванны, какія она уже брала, и воды Эгра, которыя пьетъ теперь. Она спросила моего мнѣнія, и я посоветовалъ ей вернуться въ Петербургъ; оказывается, она непременно хочетъ отправиться въ Кіевъ, потому что дала обѣтъ побывать тамъ, если къ ней вернется зрѣніе. При ней находится поваръ, три лакея, горничная, г-жа Ласовикова и русскій врачъ, соскучившійся и всѣми силами стремящійся вернуться поскорѣе въ Россію.

„Вдругъ она спросила меня: „Федоръ Васильевичъ, правда ли, что Вѣра умерла“.

„Я отвѣтилъ, что она должна была догадываться объ этомъ, такъ давно не получала отъ нея писемъ.

„Она воскликнула: „не говорите, не рассказывайте ничего“.

„Затѣмъ послѣдовалъ діалогъ, длившійся четыре часа; она спрашивала меня обо всѣхъ подробностяхъ, потомъ заговорила о сиротахъ и выразила увѣренность, что Васильчиковъ женится на графинѣ Строгановой. Я возразилъ на это, что въ обществѣ говорятъ о его намѣреніи жениться на Пашковой. Она отвѣтила: „никогда болѣе не вспоминайте о немъ при мнѣ“. Она проникнута благодарностью къ Императрицѣ Елизаветѣ за заботливость, съ какою она постаралась скрыть отъ нея смерть Вѣры“.

Въ другомъ письмѣ изъ Карлсбада графъ Ростопчинъ пишетъ, что ужасная тетка пріѣхала изъ Эгра и два дня прогостила у него. „Это было сплошное волненіе и мученіе. Она по-прежнему старается всѣхъ увѣрить, что видитъ, хотя слѣпа совершенно; сердится даже на смерть Вѣры потому, что это ее волнуетъ, а окулистъ строго запретилъ ей волноваться. Она говоритъ о слѣпотѣ въ прошломъ: „когда я была слѣпа“, „когда мнѣ вернулось зрѣніе“. Она гуляетъ и соображаетъ, что узнаетъ людей, судитъ о платьяхъ, цвѣтахъ, рассматриваетъ

карточки дѣтей. Обижена тѣмъ, что король прусскій не навѣстилъ ея. Вечеромъ была у графини Воронцовой, гдѣ обращалась съ разговорами, не зная къ кому“.

„Графиня Протасова“, говоритъ о ней Великій Князь Николай Михайловичъ, „именно“ не хотѣла быть слѣпой“.

„Это несчастіе“, пишетъ Фрейштедтъ о слѣпотѣ графини Протасовой, и внушало бы состраданіе, если бы она не была такъ смѣшна. Она была совершенно слѣпа и *все-таки не хотѣла быть слѣпой* и при томъ, движимая смѣшнымъ тщеславіемъ, постоянно лѣзла къ Высочайшимъ особамъ, что было имъ чрезвычайно въ тягость“.

„Ея притязанія и страсть ко двору не уменьшились“, писалъ о графинѣ Протасовой въ 1814 году изъ Вѣны Н. М. Лонгиновъ, „такъ что Ея Величество постоянно въ страхѣ, что она умретъ у нея въ прихожей или на лѣстницѣ“.

Протасовой, „какъ рыбѣ вода, нужны были придворная обстановка и общество Высочайшихъ особъ“.

Пріѣхавъ въ Вѣну, во время конгресса, Анна Степановна, хотя была стара, дряхла и почти слѣпа, „хотѣла по-прежнему пользоваться развлеченіями и играть видную и блестящую роль въ придворномъ обществѣ“. „Она благополучно провела время конгресса въ Вѣнѣ и тамъ фигурировала „*couverte de diamants comme une chässe et affichant la prétention de passer partout la première—sans doute* (пишетъ Валишевскій) *parcequ'il lui est arrivé, en effet, de prendre le pas sur Catherine en d'autres circonstances*“. „Бѣдная женщина!“ писала о ней Елисавета Алексѣевна; она могла бы внушить такое участіе, если бы она покорилась своей судьбѣ, но, поступая такъ, она внушаетъ только состраданіе“.

„Добрая и сострадательная Императрица всячески старалась облегчить и скрасить печальное существованіе старой камеръ-фрейлины, этой „*la pauvre Anna Stépanowna*“, которую она, по ея признанію, не могла „назвать безъ этого эпитета“, но и она возмущалась подѣ-часъ навязчивостью Протасовой; а Императоръ Александръ I положительно не выносилъ ея.

„Бога ради“, умолялъ Александръ I Елисавету Алексѣевну, „избавьте меня отъ нея“, и, „по словамъ Императрицы предлагалъ графинѣ и помѣщеніе во всѣхъ своихъ дворцахъ, кромѣ того, гдѣ онъ не хотѣлъ ее видѣть“. Протасова такъ настойчиво добивалась приглашенія пріѣхать на лѣто въ Царское Село, что даже кроткая Императрица воскликнула:

„Нужно быть Анной Степановной, чтобы хотѣть заставить кого-нибудь насильно васъ принять“.

По окончаніи Отечественной войны и возвращеніи Императора изъ-за границы, царская фамилія переѣхала, какъ извѣстно, въ Москву, гдѣ она провела всю зиму 1817 — 18 гг. Въ это время Александръ I постоянно разъѣзжалъ: то въ Петербургъ, то совершалъ болѣе или менѣе продолжительныя поѣздки по Россіи и мало проводилъ время съ семьєю; постоянныя разлуки съ мужемъ были тягостны для молодой Императрицы; она скучала по Петербургу и недомогала; ея тяжелое душевное настроеніе отразилось въ ея письмахъ къ гр. Протасовой изъ Москвы.

3 октября 1817 г. Государыня писала Аннѣ Степановнѣ:

„Спешу исполнить обещаніе мое, любезная Анна Степановна, и скажу вамъ, что я пріѣхала благополучно въ Москву въ воскресній 30 числа, вечеру въ десятомъ часу; точно такъ, какъ было назначено. Государя мы нашли уже въ Черной Грязи, и всѣ мы вмѣстѣ въѣхали въ городъ, только incognito. На другой день пошли къ обѣдни въ Успенскій Соборъ, и вы легко можете себѣ представить, какимъ множествомъ народа Кремлевская площадь была покрыта“.

Зима въ тотъ годъ стояла суровая, и это отразилось на здоровьи начавшей прихварывать Елисаветы Алексѣевны; слухи о болѣзни Императрицы дошли въ преувеличенномъ видѣ до Протасовой.

„Мнѣ очень жаль, дорогая Анна Степановна, что вамъ сообщили обо мнѣ не вѣрныя свѣдѣнія“¹⁾, спѣшила ее успокоить Государыня; „я вижу изъ вашего послѣдняго письма, что вы считаете меня больной и что вамъ сказали, будто у меня часто бываютъ флюсы, между тѣмъ у меня съ самаго пріѣзда въ Москву не было ни одного флюса и здоровье мое очень хорошо... не обвиняйте ни въ чемъ соборы, мы не посѣщали ихъ съ 14 октября. При морозахъ, установившихся въ послѣднюю недѣлю, было бы невозможно войти туда, морозъ доходилъ у насъ до 23°“.

Поздравляя Протасову съ новымъ годомъ, Елисавета Алексѣевна выражала надежду увидѣться съ нею, въ наступавшемъ 1818 году, въ Петербургъ, „но не прежде Маія мѣсяца, и хотя пребываніе мое въ Москвѣ много для меня имѣетъ пріятнаго,

¹⁾ Письмо отъ 25 ноября 1817 г. по-французски.

не могу думать безъ некоторой печали, что я Петербургъ и жителей его очень долго не увижу“ ¹⁾.

„Теперь ²⁾ у насъ все тихо, радость и движеніе переведены въ Петербургъ присутствіемъ Государя; и ежели погода такъ же пріятна, какъ здѣсь, то, по моему воображенію, нашъ Петербургъ долженъ имѣть самый празднишый видъ“.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, Александръ I отправился, въ исходѣ февраля, въ продолжительное путешествіе по Россіи. „Веселія Московскія ³⁾, объ которыхъ вы говорите, пишетъ Государыня Протасовой въ деньотъѣзда супруга, хотя насъ окружаютъ, но мы не участвуемъ въ нихъ. При дворѣ все очень тихо. Государь ѣдетъ сегодня ночью, и очень не весела мысль, что мы три мѣсяца останемся безъ него“.

Весною того года въ Москвѣ было много больныхъ; Государыня также недомогаала, долго „не выходила изъ комнаты и праздники (Пасхи) проводила по большей части въ постелѣ или на канапе. У меня была простудная лихорадка, сообщала она А. С.; теперь я почти совсѣмъ здорова, но по причинѣ холоднаго воздуха не позволяютъ мнѣ выѣзжать“.

„Отъ московскихъ забавъ я ничего не видала и только слышала колокольный звонъ, который нѣсколько мучилъ меня больно. Даже новорожденнаго Великаго Князя ⁴⁾ и племянника еще не видала“.

Въ маѣ мѣсяцѣ дворъ вернулся въ Царское Село; туда же возвратилась изъ вояжа графиня Протасова и была, какъ всегда, ласково принята Императрицей; впрочемъ, она пробыла въ Россіи весьма не долго; необходимость пользоваться водами заставила ее снова уѣхать за границу.

„Послѣднія десять лѣтъ своей жизни,“ говоритъ Великій Князь Николай Михайловичъ, „графиня Протасова постоянно лѣчилась, таская за собой какого-то „лифляндскаго“ доктора Любошица. Она разѣзжала по всѣмъ знаменитымъ окулистамъ, несмотря на то, что они всѣ единогласно признавали ее неизлѣчимой“. Обѣ Императрицы, на протяженіи этихъ нѣсколькихъ лѣтъ писали ей, гдѣ бы онѣ ни находились, а вдовствующая Императрица, поздравляя ее съ днемъ ангела или рожденія, неизмѣнно сопровождала письмо какимъ-либо цѣннымъ подаркомъ“.

¹⁾ Письмо отъ 6 января 1818 г.

²⁾ Письмо отъ 18 января 1818 г.

³⁾ Письмо отъ 20 февраля того же года.

⁴⁾ Великій Князь Александръ Николаевичъ.

Въ послѣднемъ письмѣ къ Протасовой за границу, Елисавета Алексѣевна упоминаетъ о кончинѣ „своего лучшаго друга“—своей сестры, принцессы Амаліи Баденской, благодарить Анну Степановну за сочувствіе по случаю постигшаго ее горя и говорить: „Вы хорошо знали ее, вы видѣли насъ вмѣстѣ, никто лучше васъ не знаетъ, чѣмъ она была для меня въ теченіе долгихъ лѣтъ, поэтому я была заранѣе увѣрена, что вы раздѣлите мои чувства, но я не рѣшалась первая заговорить объ этомъ грустномъ событіи въ ту минуту, когда вы быть можетъ не совсѣмъ здоровы. Поэтому я очень благодарна Вамъ, дорогая графиня, за то, что Вы предупредили меня своимъ письмомъ и разсѣяли мои сомнѣнія на этотъ счетъ. Надежда, которую Вы подаете мнѣ на то, что мы увидимъ Васъ въ этомъ году въ Россіи, меня радуетъ. Мнѣ кажется, Вы ошибаетесь, предполагая, что Императоръ собирается въ мартѣ мѣсяцѣ въ Италію.

„Въ газетахъ пишутъ о поѣздкѣ туда императора австрійскаго, но нашъ Государь объ этомъ и не помышляетъ. Здоровье его, благодаря Бога, возстановилось: у него была на ногѣ рожа, вслѣдствіе чего онъ пролежалъ 4 недѣли въ постелѣ; я льщу себя надеждою, что послѣ этой болѣзни его здоровье возстановится на долго“¹⁾.

Это письмо писано 22 февраля (5 марта) 1824 г.; очевидно, вскорѣ послѣ этого гр. Протасова возвратилась въ Россію: имѣется еще одна записка, безъ даты, въ которой Государыня благодарить ее за присланную ей шляпу и выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что „находясь подъ одной съ нею кровлей, она еще не имѣла возможности ее видѣть“ по причинѣ нездоровья, „хотя здоровье мое улучшается“, пишетъ Елисавета Алексѣевна, „но я еще не предвижу, когда я смогу выѣзжать или хотя бы принять кого нибудь“.

По возвращеніи въ Россію А. С. Протасова прожила недолго; она умерла 12 апрѣля 1826 года и погребена въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа.

В. Тимошукъ.

¹⁾ Письмо писано по-французски.